

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

— ❖ —

ХРОНИКИ АМБЕРА

ДЕВЯТЬ ПРИНЦЕВ АМБЕРА
РУЖЬЯ АВАЛОНА

ТОМ I

Иллюстрации Дениса Гордеева

FANZON

Москва

ХРОНИКИ АМБЕРА

КНИГИ КОРВИНА

Девять принцев Амбера

Ружья Авалона

Знак Единорога

Рука Оберона

Двор Хаоса

КНИГИ МЕРЛИНА

Козыри Рока

Кровь Амбера

Знак Хаоса

Рыцарь Теней

Принц Хаоса

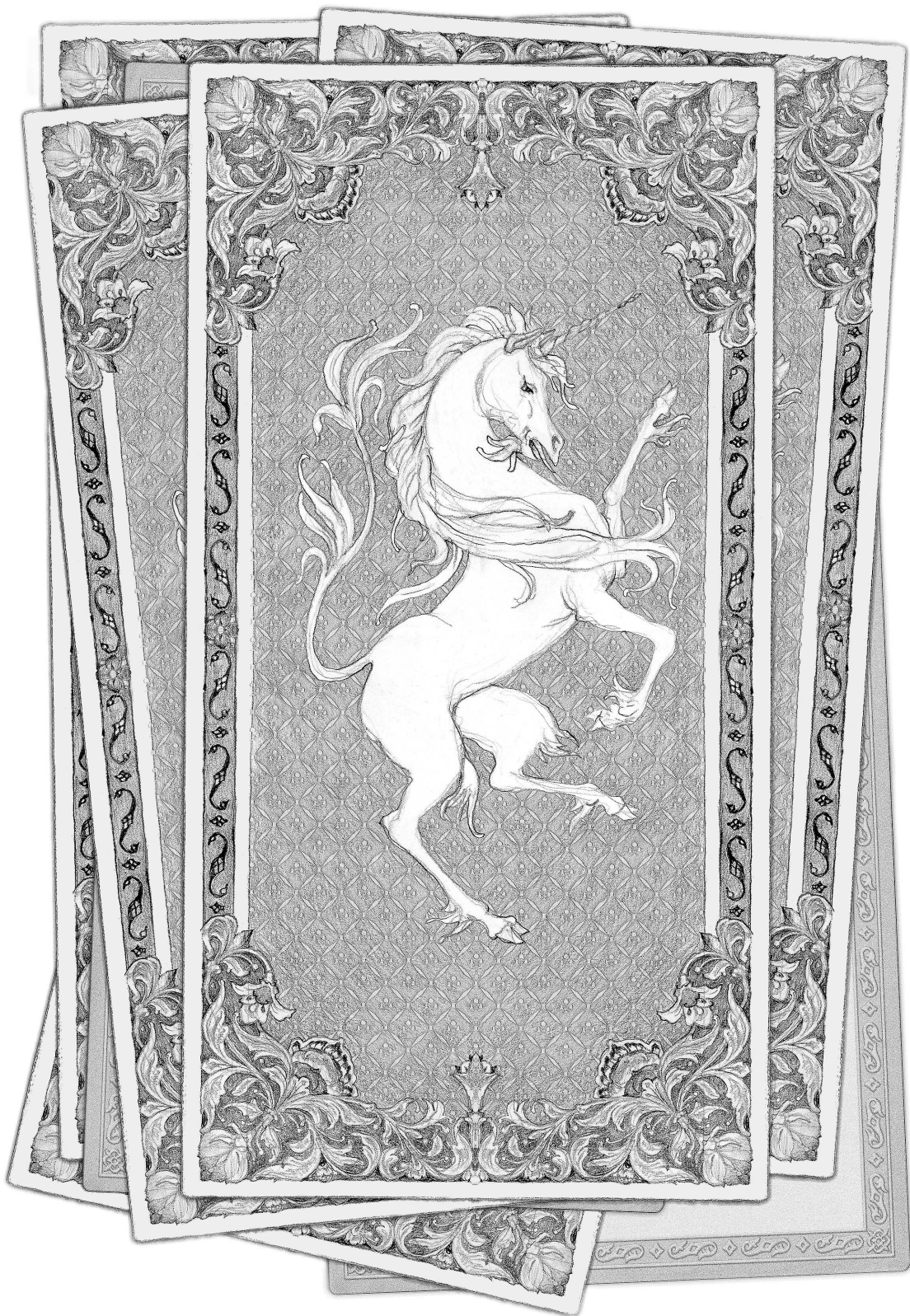
Амбер и амбериты

Рассказы и приложения

Путеводитель по Амберу

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

— ❖ —

ХРОНИКИ АМБЕРА

ДЕВЯТЬ ПРИНЦЕВ АМБЕРА
РУЖЬЯ АВАЛОНА

ТОМ I

Иллюстрации Дениса Гордеева

FAN|ZON

Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ж52

Roger ZELAZNY
NINE PRINCES IN AMBER

Copyright © 1970 by Roger Zelazny

THE GUNS OF AVALON

Copyright © 1972 by Roger Zelazny

Иллюстрации *Дениса Гордеева*

Перевод *Ирины Тоговой* («Девять принцев Амбера») и *Юрия Соколова* («Ружья Авалона»)

Редактура *Кайла Итоффа*

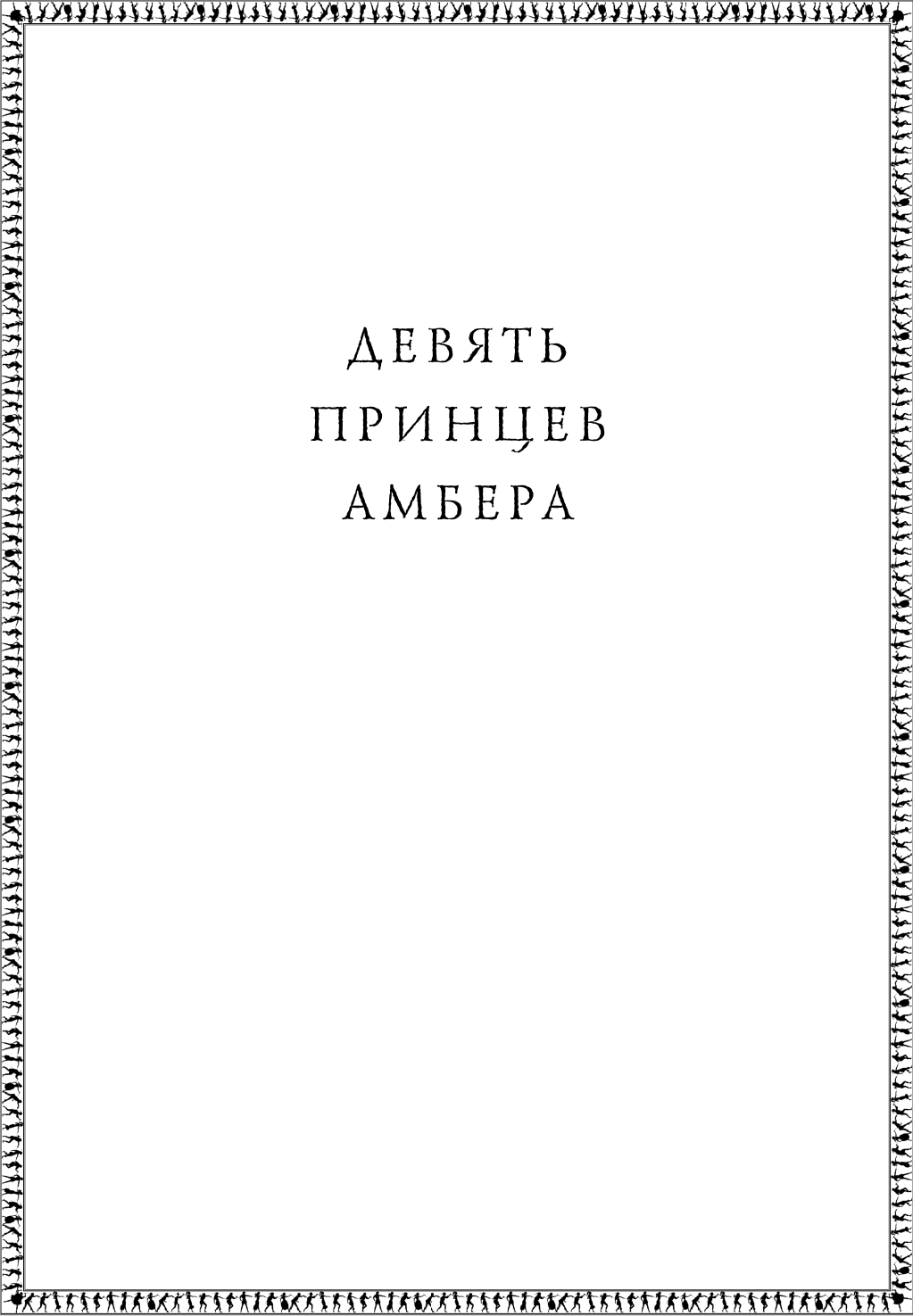
Желязны, Роджер.
Ж52 Хроники Амбера. Том 1. Девять принцев Амбера; Ружья Авалона / Роджер Желязны ; иллюстрации Д. Гордеева ; [перевод с английского И. Тогоевой, Ю. Соколова]. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с. : ил.
ISBN 978-5-04-187717-0

«Девять принцев Амбера» и «Ружья Авалона» — первые два романа блистательных «Хроник Амбера», самой популярной фэнтезийной саги Роджера Желязны. Придворные интриги, магические мечи, карты Таро, черная магия, путешествия между мирами, любовь и дружба, поэзия, психологизм, мифологические и культурные отсылки, образ вечного города Амбера и харизматичный главный герой — вот за что читатели во всем мире полюбили этот грандиозный цикл. Произведения публикуются в новой специальной редакции и сопровождаются иллюстрациями Дениса Гордеева.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

- © И. Тогоева, перевод на русский язык, 2025
- © Ю. Соколов, перевод на русский язык, 2025
- © Д. Гордеев, иллюстрации, 2025
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-187717-0

ДЕВЯТЬ
ПРИНЦЕВ
АМБЕРА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НОХОЖЕ, НАСТУПАЛ КОНЕЦ ТОМУ, что казалось мне вечностью.

Я попробовал пошевелить пальцами ног. Успешно. Я лежал, распластанный, на больничной койке, закованные в гипс ноги — на подвесе, но все еще мои.

Я зажмурился, потом снова открыл глаза. Трижды.

Стены комнаты наконец обрели четкость.

Где я, черт побери?

И туманы медленно таяли, оставляя остатки того, что именовалось моими воспоминаниями. Ночи... сиделки... уколы. Стоило мне чуточку прийти в себя, всякий раз являлся кто-нибудь и всаживал мне дозу. Вот так вот. Да. Но теперь я хотя бы наполовину я. Значит, с этим пора кончать.

Вопрос, согласятся ли они.

Почему-то упорно думалось: вряд ли.

Природное неверие в чистоту любых человеческих побуждений, единожды придя, угнездилось в моей груди. Меня пичкали наркотиками — вдруг понял я. Без особых на то причин, судя по моему самочувствию, и, значит, нет причин менять распорядок, если за него им и платят. «Так что лучше сделай вид, что ты по-прежнему в отрубе», — сказал голос худшей и более мудрой части моей души.

Так я и поступил.

Медсестра заглянула минут через десять, а я, конечно, лежал себе и похрапывал. Она тут же удалилась.

Я к тому моменту кое-что сумел восстановить в памяти.

Смутно припоминалось, что я попал в аварию. Все, что после, — как в тумане; что было до нее — без понятия. Но я помнил, что сначала угодил в больницу, а уже потом сюда. Как так? Неизвестно.

Но мои ноги вроде восстановились. Достаточно, чтобы я смог стоять, хотя я и не помнил, сколько времени прошло после перелома — а вот сломаны они были, это я знал.

Попытался сесть. Оказалось непросто: тело как кисель. В окно из ночной темноты глазели звезды, нагие и яркие. Я подмигнул им и спустил ноги на пол.

Перед глазами все поплыло, однако вскоре в голове прояснилось, я встал, держась за спинку кровати, и сделал первый шаг.

Нормально. Ноги держат.

Так что теоретически я уже в состоянии отсюда выйти.

Я снова опустился на кровать, лег и задумался. Я весь взмок, меня бил озноб¹. И небо в звездах-леденцах² и так далее.

Упадком пахнет в датском королевстве...³

Да, это точно была автокатастрофа. Черт знает что...

Приоткрылась дверь, впустив в палату поток света. Сквозь приспущенные веки я увидел, что это снова сестра со шприцем в руке.

Она приближалась к кровати, крупная такая бабища, темные волосы и мощные руки.

Когда она подошла, я сел.

— Добрый вечер! — сказал я.

— Ох! Добрый вечер, — ответила она.

¹ Стандартная симптоматика гипогликемии, а заодно вероятная аллюзия на «Гамлета» В. Шекспира (в переводе М. Лозинского «Он тучен и одышлив», в переводе В. Рапопорта «Он весь в поту и дышит тяжело»). *Здесь и далее прим. ред.*

² К. К. Мур «Визит св. Николая, или В ночь перед Рождеством».

³ Искаженная цитата из «Гамлета» В. Шекспира.

— Когда меня выписывают? — спросил я.

— Об этом надо узнать у доктора.

— Ну так узнайте.

— Пожалуйста, закатайте рукав.

— Да нет, спасибо.

— Я должна сделать вам укол.

— Нет, не должны. Уколы мне не нужны.

— Боюсь, это доктору решать.

— Вот пусть он придет и сам скажет. А пока я категорически против.

— Но у меня четкие инструкции...

— Вот и Эйхман¹ тоже так говорил, а что вышло? — Я неспешно покачал головой.

— Хорошо, — вздохнула медсестра. — Мне придется доложить...

— Пожалуйста, докладывайте, — сказал я. — Заодно сообщите доктору, что я утром намерен выписаться.

— Нет, это невозможно! Вы ведь даже ходить еще не в состоянии! И у вас серьезные повреждения внутренних органов...

— Ладно, посмотрим, — кивнул я. — Спокойной ночи.

Она вылетела в коридор, ничего не ответив.

А я снова лег и стал думать. Похоже, я в какой-то частной клинике — значит, кто-то оплачивает всю эту музыку. Но кто? Никаких родственников я вспомнить не мог. Друзей тоже. Кто остается? Враги?

Я еще немного подумал.

Ничего не придумывалось.

Ни малейшей идеи насчет предполагаемого благодетеля.

Вдруг я вспомнил: моя машина летит под откос на горной дороге, падает в озеро... Это — все.

¹ Адольф Эйхман (1906–1962) — оберштурмбаннфюрер СС, начальник отдела IV D 4 РСХА, «архитектор Холокоста». После Второй мировой сумел по фальшивым документам уехать в Аргентину, в 1960 г. похищен агентами Моссада и доставлен в Израиль, после открытого судебного процесса приговорен к смертной казни и повешен. Согласно выпущенной в 1963 г. «Банальности зла» Ханны Арендт, построенной на материалах этого процесса, «Эйхман не был ни психопатом, ни чудовищем. Он был ужасно, невероятно нормальным человеком, а его действия, обернувшиеся гибелью миллионов людей, стали следствием желания хорошо сделать свою работу».

Я был...

От напряжения я снова весь покрылся испариной.

Я не знал, кто я.

Чтобы отвлечься, я сел и быстренько снял бинты. Под повязками все было в порядке, значит, правильно я от них избавился. Потом разбил гипс на правой ноге металлическим прутком, вынутым из спинки кровати. Мною овладело странное чувство: казалось, нужно как можно скорее отсюда смыться, нужно успеть сделать нечто важное.

Я проверил правую ногу. Нормально.

Разбил гипс и на левой ноге, встал, подошел к шкафу.

Никакой одежды.

В коридоре слышались шаги. Я снова лег, прикрыв простыней снятые бинты и куски гипса.

Дверь опять приоткрылась.

В палате вспыхнул яркий свет; на пороге высился здоровенный детина в белом халате, рука его касалась выключателя.

— Что вы тут удумали? Сестра на вас жалуется, — сказал он.

Притворяться спящим больше не имело смысла.

— Неужели? — спросил я. — И что же она говорит?

Детина некоторое время, наморщив лоб, обдумывал мой вопрос, потом строго произнес:

— Вам пора делать укол.

— Вы что, доктор?

— Нет, но делать уколы право имею.

— А я отказываюсь, — заявил я, — на что имею полное право. Что вы на это скажете?

— Что укол я вам все равно влеплю, — ответил здоровяк и двинулся к кровати. В руке он держал шприц, которого я раньше не заметил.

Это был исключительно подлый удар, дюйма на четыре ниже пояса. Детина рухнул на колени.

— ..! — выдавил он некоторое время спустя.

— Подойдешь еще раз, — предупредил я, — увидишь, что будет.

— Ничего, мы с такими пациентами справляться приучены! — выдохнул он.

И я понял, что пришло время действовать.

— Где моя одежда? — спросил я.

— ..! — повторил он.

– Тогда, пожалуй, придется позаимствовать твою. Раздевайся!

После третьего раза мне надоело. Я накинул простыню ему на голову и как следует врезал тем самым железным прутом, которым разбивал гипс.

Пара минут, и я весь одет в цвета Моби Дика¹ и ванильного мороженого². Жуть.

Я запихнул этого типа в стенной шкаф и выглянул в затянутое решеткой окно. Старая Луна с Юной Луной на руках парила над грядкой тополей, искрилась серебристая трава, ночь устало торговалась с солнцем. Где я находился – неясно. Вроде бы четвертый этаж, и внизу слева на земле отражался свет из окна где-то со второго этажа: там тоже кто-то не спал.

Так что я вышел в коридор и осмотрелся. Слева коридор упирался в стену с зарешеченным окном. Там были еще двери, по две с каждой стороны коридора – скорее всего, палаты вроде моей. Я дошел до окна и выглянул наружу. Снова трава, деревья и ночь – ничего нового. Я повернулся и зашагал в обратную сторону.

Двери, двери, двери, и ни лучика света изнутри. И тишина, только шарканье моих собственных шагов: позаимствованные ботинки были великоваты.

Часы, тоже позаимствованные у Смеющегося Мальчика³, показывали пять пятьдесят четыре. Железный прут я заткнул за пояс под белым халатом; при ходьбе прут втыкался мне в бедро. На каждые двадцать футов под потолком приходилась одна лампочка ватт на сорок.

Так я добрался до ведущей вниз лестницы в правом крыле, покрытой ковровой дорожкой и безмолвной.

¹ Белый кит, персонаж одноименного романа Г. Мелвилла (1851).

² Отсылка к рассказу Р. Брэдли «Чудесный костюм цвета мороженого» (1958).

³ На американском сленге 1940-х гг. «смеющийся мальчик» – некий угрюмый и мрачный тип. А еще Смеющимся Мальчиком зовут протагониста одноименного романа О. Ла Фарга (1929), посвященного борьбе индейцев навахо за сохранение своей культуры. И если так, возможно, здесь скрытая отсылка в сторону другого здорового индейца из совсем другой клиники – К. Кизи, «Над кукушкиным гнездом» (1962).

Третий этаж выглядел в точности как мой четвертый, так что я пошел дальше вниз.

На втором этаже свернул направо, пытаясь найти дверь, из-под которой пробивался бы свет.

И нашел почти в самом конце коридора. Стучать я не стал.

За огромным полированным столом сидел тип в пестром халате и что-то писал в гроссбухе. Это явно была не больничная палата. Тип так и впился в меня глазами, рот распахнулся, готовый закричать, — но крика не было, видимо, я выглядел достаточно решительно.

Он быстро поднялся из-за стола, а я закрыл дверь, подошел поближе и произнес:

— Доброе утро. У вас неприятности.

Люdiam всегда хочется узнать, какие же неприятности им грозят. Так что секунды через три я услышал:

— Что вы имеете в виду?

— А то, — пояснил я, — что вам грозит судебный иск. За то, что держите меня здесь без связи с внешним миром, и второй, за злоупотребление служебным положением — меня насильно пичкали наркотиками. У меня, можно сказать, уже началась ломка, так что я вполне могу сотворить что-нибудь неприятное...

— Убирайтесь, — был ответ.

Я заметил на его столе пачку сигарет, вытянул одну.

— Сядь и заткнись. Нам есть что обсудить.

Он сел, но не заткнулся.

— Вы нарушаете правила...

— Суд определит, кто из нас что нарушает, — ответил я. — Пусть принесут мою одежду и личные вещи. Я выписываюсь.

— Но ваше состояние...

— Не твое дело. Деньги на бочку — или в суд.

Он было потянулся к кнопке на столе, но я отшвырнул его руку.

— Ну нет, — сказал я. — Раньше надо было нажимать, когда я только вошел. Теперь поздно.

— Мистер Кори, вы самый сложный...

Кори?

— В вашу клинику я не ложился, — проговорил я, — но уж точно имею полное право выписаться, когда мне угодно. А угодно мне сейчас. Так что давай.

— Но вы еще явно не в том состоянии, чтобы выписываться, — ответил он. — Я просто не могу вам этого позволить... Я сейчас кого-нибудь позову, вас проведут в палату, уложат в постель...

— И не пытайся, а то узнаешь, в каком я состоянии. Пока у меня пара вопросов. Первый: кто меня сюда поместил и кто оплачивает мое пребывание здесь?

— Ну хорошо, — вздохнул он — тонкие усики песочного цвета огорченно поникли — и сунул руку в ящик стола.

Но я был наготове.

Я выбил пистолет у него прежде, чем он успел спустить предохранитель. Аккуратненький такой «кольт» тридцать второго калибра¹. Подхватив оружие, щелкнул предохранителем и навел ствол ему в физиономию.

— Ты ответишь на мои вопросы. Ты явно считаешь меня опасным. Возможно, ты прав.

Он бледно улыбнулся и закурил сам. Ошибка, если он хотел изобразить невозмутимость. Ручки-то дрожали.

— Хорошо, Кори. Если вы так настаиваете... Привезла вас сюда ваша сестра.

Не понял.

— Какая сестра?

— Эвелин.

Ни звоночка.

— Странно. Я несколько лет ее не видел, — сказал я. — Она и не знала, что меня занесло в эти края.

Он пожал плечами:

— И тем не менее...

— Где же она теперь живет? Я хочу связаться с ней, — сказал я.

— У меня нет под рукой ее адреса.

— Так найди.

Он поднялся из-за стола, подошел к секретеру, открыл его, порылся там и достал карточку.

¹ Так обычно именовался «карманный бескурковый» M1903 (*Colt Pocket Hammerless*), выпуск этой популярной модели пистолета прекращен в 1945 г., но на руках их немало и сейчас, а тем более во время создания романа.

Я впился в нее глазами. Миссис Эвелин Флаумель... Нью-йоркский адрес тоже был мне незнаком, но в памяти я его зафиксировал. Судя по карточке, меня звали Карл. Отлично. Дополнительная информация.

Я заткнул пистолет за пояс рядом с прутом, не забыв, конечно, поставить его на предохранитель.

— Ну ладно, — сказал я. — Где моя одежда и сколько ты мне заплатишь?

— От вашей одежды после аварии мало что осталось, — ответил врач. — Вынужден вам напомнить, что у вас были сломаны обе ноги, причем левая — в двух местах. Откровенно говоря, я просто не понимаю, как вы стоите. Прошло всего две недели...

— На мне все заживает как на собаке, — успокоил его я. — Так как насчет денег?..

— Каких денег?

— Отступные, чтобы я не подавал в суд на твоё заведение. За всякие злоупотребления и прочее.

— Не валяйте дурака!

— Кто здесь валяет дурака? Согласен на тысячу, но наличными и сразу.

— Даже говорить на эту тему не желаю!

— А ты лучше подумай. Выиграю я суд или проиграю, но какую рекламу получит твоё заведение, если я сумею дать несколько интервью еще до суда, а? Я ведь доберусь и до АМА¹, и до газетчиков...

— Шантаж, — заявил он, — и я тут вообще ни при чем.

— Заплатишь ты сейчас или по приговору суда, — отозвался я, — мне, в общем, без разницы. Но сейчас выйдет дешевле.

Если согласится, значит, я прав и здесь что-то нечисто.

Тип в халате долго буравил меня взглядом.

— У меня нет здесь тысячи, — заявил он наконец.

— Тогда назови сумму сам.

— Это грабеж.

— Нет, Чарли², это самообслуживание. Итак?

¹ АМА — Американская медицинская ассоциация. Самое обширное объединение американских врачей и медработников.

² В американском сленге обезличенно-пренебрежительное обращение, также употребляется в третьем лице.